

О СМЫСЛОВОЙ ОБЪЕМНОСТИ БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫХ НАРЕЧИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Определяя особенности мироощущения Б. Ахмадулиной, характер ее взаимоотношений с миром, И. Бродский назвал лирику поэта интровертной и центростремительной [3]. Направленность внимания Б. Ахмадулиной на внутренний мир лирической героини, стремление точнее отразить ее душевную жизнь, не лишенную противоречий, обуславливает частотность использования в поэтических текстах автора безлично-предикативных наречий.

Цель данной статьи — определить круг безлично-предикативных наречий, востребованных в идиостиле Б. Ахмадулиной, выявить контекстуальные смысловые оттенки этих лексем, а также их возможности в создании семантической объемности поэтических текстов.

Встречающиеся в лирике Б. Ахмадулиной предикативные наречия могут передавать 1) психическое и физическое состояние лиц / не-лиц; 2) морально-этические и ценностные оценки автора; 3) состояние природы / окружающей среды; 4) различные модальные значения. В данной статье мы обратимся к лексемам первых трех групп; в силу семантического многообразия наречий, обслуживающих категорию модальности, они будут рассмотрены в отдельной работе.

Анализ предикативных наречий с семантикой 'эмоциональное состояние' показывает, что для поэта характерна эмоциональная полярность. Чувства и эмоции лирической героини часто противоречивы, они не поддаются однозначной интерпретации. С болью воспринимая несовершенства мира, лирическая героиня все же признает «блаженство бытия». В силу этого в художественном космосе Б. Ахмадулиной равноправно сосуществуют *смешно и грустно; весело и скучно; вольно и тесно; приятно и мучительно; легко и трудно; удобно и стыдно...* При этом одна и та же наречная лексема может выражать целый спектр эмоциональных оттенков. Так, частотное у Б. Ахмадулиной наречие *жаль* в одном контексте передает глубокое сожаление лирической героини: *Всех вместе жаль, а на меня одну — / пускай падут и буря, и лавина... / <...> / Жаль — челн погиб, и лишь в его обломках / не-расторжимы наши имена;* в другом — светлую ностальгическую грусть: *Мне жаль снегов, мне жаль себя в снегах, / Оки во льду... и полыньи отверстой;* в третьем употребляется с оттенком трагической иронии: *Жить пропустилось вспугнутое сердце, / жаль бедного: так бьется кропотливо.*

Чувство страха, выражаемое лексемой *страшно*, лишено у Б. Ахмадулиной онтологического характера. Оно не выступает как безусловно доминирующее, а часто вариативно перекликается с другим состоянием. Например: *И слышится в темне: / вдруг вымыслом своим, и только, ты любима? / до-вольно ли с тебя? не страшно ли тебе?* Или: *То ли будет, другое... / Я и знать не хочу — / разобьюсь ли о горе, / или в счастье влечу. / Мне и страшно, и весело, / как тому кораблю...* Но иногда наречие *страшно*, включенное автором в текст, все же вносит в поэтические строки Б. Ахмадулиной налет

трагедийности или драматизма. Чаше всего это наблюдается при обозначении резкого неприятия поэтом законов окружающего мира: *И проклял он [поэт] родимый дом и сад, / сказав: — Как страшно просыпаться утром! / Как жжется этот раскаленный ад, / который называется уютом!*

Позитивное мироощущение лирической героини Б. Ахмадулиной передают безлично-предикативные наречия *хорошо, легко, весело, сладко, приятно, радостно...* Данные лексемы выражают открытость миру, радость встреч и общения с людьми: *...Сказала вошедшему: «Радость! Люблю! / Хорошо, что меж нами не быть расстояньям!»; И радостно мне любоваться опять / лицом ее [циркачки]; Приятно поболтать с негоциантом...*

Художественный универсум Б. Ахмадулиной ярко представляет и группа безлично-предикативных наречий со значением морально-этической или ценностной оценки фактов / явлений действительности: *справедливо, щетно, поделом, сподручно...* Несмотря на их относительную немногочисленность в лирике Б. Ахмадулиной, данные лексемы весьма информативны: с их помощью поэт открыто говорит о своем понимании поведенческой нормы, оценивает отступления от нее, высказывает свои предпочтения и т.п. Например, необходимость следования высоким этическим принципам, этот своеобразный нравственный императив поэта, выражается безлично-предикативным наречием *справедливо* в стихотворении «Твой случай таков, что мужи этих мест и предместий...», посвященном В. Высоцкому: *Не скарены мы, и сердца разбиваются наши. / Лишь так справедливо. Ведь если не наши — то чьи же?*

С помощью безлично-предикативных наречий Б. Ахмадулина не только отражает внутренний мир лирической героини и эксплицирует свои этические оценки, но и передает состояние природы и окружающей среды. Ср.: *Я говорю: — Как здесь туманно... / И я здесь некогда жила.*

В некоторых случаях адverbиальные лексемы способны обозначать одновременно и состояние природы, и ощущение самой лирической героини. Так, в контексте: *...Я вышла в снег арбатского двора... / и во дворе, недавно столь пустом, / вдруг от детей светло и тесно стало* — наречия *светло* и *тесно* передают как атмосферу мира вокруг, так и состояние самой лирической героини, включенной в окружающий мир. При таком совместно-субъектном (двусубъектном) обозначении состояния в наречии актуализируются качественные оттенки: *светло* не только указывает на наличие света, но и приобретает значение ‘радостно, приятно’.

Актуализация качественных сем в безлично-предикативных наречиях со значением состояния наблюдается и в следующем контексте: *Как холодно в Эшери и как строго... / Нет никого.* Под влиянием качественного оттенка значения лексемы *строго* и наречие *холодно* начинает не только обозначать физическое состояние окружающей среды, но и создает отрицательный эмоциональный фон лирической героини (*холодно* — ‘неуютно, негостеприимно, невесело’). Возможность отнесения наречного состояния к двум субъектам приводит к тому, что герметичность «Я» лирической героини преобразуется в открытость миру, абсолютное слияние с ним.

В результате появления у безлично-предикативных наречий, наряду с прямым, переносного значения значительно повышает текстообразующую роль данных лексем. Например, в контексте: *Я вышла в сад, но глушь и роскошь / живут не здесь, а в слове: «сад». / <...> / Просторней слово, чем окрестность: / в нем хорошо и вольно...* — метафорическое употребление наречия обуславливает его полифункциональность в поэтическом тексте. Во-первых, наречие выполняет важную конструктивную роль: первоначальная семантическая «непрозрачность» наречной лексемы становится импульсом для дальнейшего развития мысли поэта. Во-вторых, наречие выступает своего рода метаязыковым рефлексивом, так как эксплицирует когнитивное и чисто лингвистическое восприятие поэтом слова «сад». Наречная лексема *вольно* указывает на широту культурных ассоциаций, связанных с данным словом, что подтверждается контекстом стихотворения.

Иногда неожиданные смысловые перспективы открываются в предикативных наречиях при их семантическом взаимодействии с лексемами, обозначающими носителя состояния. Например: *Умри во мне, как в мире умерла, / темно и тесно быть твоей темницей* [О. М. Цветаевой]. Лирическая героиня в образе темницы испытывает состояние, противоположное должному, закономерному. Автор выстраивает сложные отношения между лирической героиней и ее предшественницей. Судьба М. Цветаевой становится предметом постоянных размышлений Б. Ахмадулиной — ее лирическая героиня как бы вбирает в себя гениального поэта. И в то же время безмерная талантливость М. Цветаевой не может не наводить на мысли о собственном поэтическом предназначении, которые постоянно тревожат лирическую героиню, не дают ей покоя (отсюда наречия *темно* и *тесно*). Так, семантическое «напряжение» между состоянием и его носителем обеспечивает, по словам И. Бродского, «абсолютно сюрреалистическую диалектику образности» [3] поэтического текста Б. Ахмадулиной.

Безлично-предикативные наречия, в отличие от глаголов, способных передавать процессуальный динамический признак, выражают статичные (Т. В. Булыгина) [4], т. е. оформившиеся, окончательно установившиеся состояния. Такая семантическая специфика наречий проявляется при употреблении данных лексем с нулевой связкой и становится очевидной при их противопоставлении глагольным предикатам в одном контексте: *Прошу Тебя, когда темнеет, / прошу, когда уже темно...*

В поэтических текстах Б. Ахмадулиной данное категориальное свойство предикативных наречий оказывается весьма востребованным при обозначении непосредственной «включенности» субъектов в состояние, а также при выражении состояния, которое наступило слишком внезапно и неожиданно. Например, в следующих строках: *...Надо / спешить, уже темно и ужинать зовут* — наречие *темно* обозначает состояние как факт, перед которым поставлены лирические герои и который изменить невозможно. В большинстве контекстов драматизм ситуации продиктован роковым временем, которое представляется лирическим героям слишком быстротечным. Поэтому в предложениях с данной семантикой положение дел нередко ре-

презентируют предикативные наречия с темпоральным значением. Ср.: *Я знала, что **поздно**, куда же я денусь / от смерти на сцене...*

В отдельных случаях предикативные наречия все же передают промежуточные состояния. Например, в поэтических фрагментах: *В тот хрупкий час, / когда **темно**, но и **светло**...* — или: *Я выхожу. **Морозно** и **тепло**. / Мне говорят, что дело к ледоходу. / Грущу и рада: утром с крыши текло — / я от воды отламываю воду* — Б. Ахмадулина объединяет в однородный ряд безлично-предикативные наречия с взаимоисключающей семантикой. Интерпретация данных состояний как переходных позволяет снять смысловое противоречие и восстановить семантическое согласование наречных лексем.

Иногда поэт с помощью безлично-предикативных наречий выражает не только промежуточность, «срединность» состояния, но и направление его изменения: *Пораньше встав, пока **темно-светло**, / открыв тетрадь, перо берете в руки / и пишете? / <...> / Нет, у меня — всё хуже, всё иначе. / Свечу истрачу, взор сошлю в окно, / как второгодник, не решив задачи. / Меж тем в окне уже **светло-темно***. Это достигается введением в поэтический текст наречий-композигов не с произвольным, а с фиксированным порядком следования компонентов. Первый компонент составных наречий выражает преобладающее в данный момент состояние, второй — «состояние-цель», в которое стремится преобразоваться начальное состояние. Такое функциональное назначение наречий становится особенно очевидным при их контекстуальном противопоставлении, а также при акцентировании данных смысловых оттенков словами *пока* — *уже*.

Таким образом, безлично-предикативные наречия в полной мере используются Б. Ахмадулиной для передачи тонких нюансов во внутренних переживаниях лирической героини и состояния окружающего мира. В случаях, когда наречие обозначает состояние лирической героини и природы одновременно, подчеркивается их гармоническое слияние. Поэт мастерски использует семантический потенциал предикативных наречий для выражения подтекстового концептуального содержания и для создания колоритного образа. Смысловая объемность поэтических строк достигается за счет 1) употребления качественных наречий во вторичной для них предикативной функции; 2) контекстуального совмещения в одной лексеме прямого и переносного значений; 3) семантического несоответствия наречия другому наречию в однородном ряду или лексеме, обозначающей носителя состояния; 4) создания индивидуально-авторских наречий-композигов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадулина, Б.А. Сочинения: в 3 т. // Сост. Б. Мессерер. — М., 1997.
2. Ахмадулина, Б.А. Стихотворения // Сост. Б. Мессерер, Т. Алешка; авт. предисл. и коммент. Т. Алешка. — М., 2008.
3. Бродский, И. Зачем российские поэты? // [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://brodsky.ouc.ru/zachem-rossiyskie-poety.html>. — Дата доступа: 17.12.2012.
4. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997.